

В. Е. Попов, А. И. Филюшкин

БЕГСТВО КНЯЗЯ А. М. КУРБСКОГО: ДОКУМЕНТ ИЗ РИЖСКОГО АРХИВА*

Существование публикуемого ниже документа уже давно известно многим исследователям эпохи Ивана Грозного. Честь его открытия в Рижском архиве принадлежит Г. А. Новицкому¹, однако по каким-то причинам он ограничился лишь пересказом сопутствующего архивного описания. Отсюда многочисленные неточности в передаче содержания и далеко идущие, но никак не вытекающие из самого текста выводы.

Несколько лет спустя Р. Г. Скрынников обратился к этому свидетельству при описании бегства Курбского и привел небольшую цитату из него, касающуюся сношений князя с графом фон Арц². Впрочем, историк, кажется, не жаловал беглеца и адресовал ему обвинения, для которых упомянутый источник едва ли давал достаточно оснований.

Наиболее полно содержание этого донесения представлено в книге И. Ауэрбах³, но и здесь встречаются, как нам кажется, неточности. К тому же многие инте-

* Работа выполнена по темплану НИР СПбГУ, Мероприятие 2 «Проведение фундаментальных научных исследований по областям знаний, обеспечивающим подготовку кадров в СПбГУ», проект 5.38.62.2011 «Россия и Балтийский мир в Средние века и Новое время».

¹ Новицкий Г. А. Новые известия из истории дипломатической борьбы во время Ливонской войны // Вестник МГУ. 1963. История. № 3. С. 37–38.

² Скрынников Р. Г. Переписка Грозного и Курбского: Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973. С. 59–60.

³ Auerbach I. Andrej Michajlovič Kurbskij: Leben in osteuropäischen Adelsgesellschaften des 16. Jahrhunderts. München, 1985. S. 98–103.

реснейшие показания либо совсем обойдены молчанием, либо оставлены без должного внимания.

Таким образом, представляется, что этот документ не потерял еще своего очарования и новизны, а уникальные сведения и ряд неясностей в нем еще ждут объяснения. Отметим также большую достоверность этого сообщения там, где это поддается проверке другими источниками, хотя трудно не заметить некоторую склонность беглого князя и его информаторов к преувеличениям.

Подлинник документа хранится в Государственном историческом архиве Латвии (Latvijas Valsts vestures arhivs), F. 673 (Rīgas Rītes Ārējais Arhivs = Рижский магистрат, внешний архив). Ар. 3. К. 8. № 35. К. 1–6. Согласно архивному описанию, он представляет собой чистовую копию на шести листах, составленную в первой половине 1565 г. Большая часть текста написана одной рукой готическим курсивом, бумага датируется по водяным знакам 1550-ми гг. (Piccard, № 31421). Оригинал написан на немецком языке. Перевод выполнен В. Е. Поповым. Приносим благодарность дирекции Государственного исторического архива Латвии за разрешение публикации перевода документа.

Донесение князя А. М. Курбского польскому королю. 1564 год

Донесение о том, что сообщил господин Андрей Михайлович Курбский о ливонских и московских делах.

Первым делом он высоко превозносил свою верность и службу своему господину, великому князю Московскому, в частности, что он не пренебрегал своими обязанностями и не упускал ничего, что могло бы принести его господину славу, честь, процветание и прибыток, и теперь, поскольку он примкнул к королевскому величеству, он хотел бы так же служить и ему. Поэтому он решил предупредить королевское величество о вещах, не терпящих промедления, но напротив, исключительно срочные, и настоятельно хотел бы явиться к нему для встречи.

Затем он поведал и рассказал, что сословия, дворянство и города ливонской земли уже согласились и обещали великому князю свою верность, и что именно он склонил их к этому посредством переговоров и заключения договора. Произошло же это следующим образом: Вейланд, господин архиепископ Рижский и проч.⁴, воспитывал при своем дворе одного молодого человека по имени Иоганн Таубе, который позже был взят в плен, отправлен в Москву и находился там некоторое время⁵. Тогда же его отец⁶ приложил много труда и усилий, чтобы его высвободить, в частности — добивался и просил обменять на него боярина Темкина, взятого здесь

⁴ Вероятно, описка: Герман Вейланд был епископом Дерпта.

⁵ Род Таубе (или Туве) принадлежал к высшей ливонской знати и располагал огромными имениями. Его представители служили советниками в ордене (Отто Таубе), в Рижском архиепископстве (Георг Таубе) и епископстве Дерптском (возможно, этим объясняется путаница с титулом Г. Вейланда: см. выше, примеч. 13.). Иоганн Таубе принимал участие в посольстве в Москву в 1558 г., в январе 1559 г. был взят в плен. (Таубе М. А. Иоганн Таубе, советник царя Ивана Грозного // Новый журнал. 1963. № 71. С. 170–190; Schiemann T. Johann Taube und Eilard Kruse. Zwei Veräther // Theodor Schiemann. Charakterköpfe und Sittenbilder aus der baltischen Geschichte des sechszehnten Jahrhunderts. Mitau, 1877. S. 1–30). Значительная часть того, что рассказывает далее Курбский, находит подтверждение в письмах Таубе от 24 ноября 1563 г. (Два письма Иоганна Таубе // Исторический архив. 1962. № 3. С. 141–156).

⁶ Вольмар Таубе был советником Дерптского епископа (Bienemann F. Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands in den Jahren 1558–1562. Riga, 1865. Bd. 1. № 89. S. 150, 154). Родственные и дружеские связи в среде ливонского нобилитета делали его действительно значимой фигурой в политической жизни страны.

в плен⁷. Но после того, как Темкин не был отпущен его королевским величеством, Иоганн Таубе был вынужден связать себя с великим князем присягой и вместе с тем обещал предоставить свои услуги в Ливонии. За это он тогда получил много больших подарков имениями и из казны⁸, и все потому, что его отец, как утверждали, был известный и уважаемый в Ливонии человек. Иоганн Таубе обещал великому князю позаботиться, чтобы при посредничестве его отца все ливонское дворянство склонилось к сдаче Московиту, и потому упомянутый Таубе был послан великим князем к отцу, в Дерпт, чтобы тот через него мог начать и вести переговоры как с рижанами, так и с рыцарством, общее собрание которых проходило тогда в Берзоне⁹ на границе. И после переговоров, проведенных с рижанами и дворянами, Иоганн Таубе написал воеводе Андрею ответ, что они все вместе решили подчиниться великому князю, как только он снарядит и пошлет двадцать тысяч человек к Риге, а также обещали великому князю передать в руки и во власть его величества всех комендантов и чиновников королевского величества, плененных и связанных, а также замки. И они обещали, среди прочего, принести для большей верности его царскому величеству присягу¹⁰, но в обмен на это великий князь должен был прислать

⁷ Вероятнее всего, имеется в виду князь Василий Иванович Темкин-Ростовский. О времени и месте его пленения точных сведений нет: официальные переговоры о его освобождении велись в 1566 г. (Сб. РИО. СПб., 1890 Т. 71. С. 413, 420 и след.), однако уже после упоминания в послушной грамоте 4 февраля 1561 г. (*Зимин А. А.* Состав Боярской думы в XV–XVI веках // АЕ за 1957 г. М., 1958. С. 76, прим. 402) имя его надолго исчезает со страниц источников. Интересно, что в этой грамоте Темкин назван боярином, что отчасти подтверждает наше предположение: если ливонские источники зачастую именуют боярами всех русских командиров или детей боярских (*Schirren C.* Quellen zur Untergang der livländischen Selbstständigkeit. Reval, 1862. Bd. 2. № 129. S. 45; № 146. S. 74; ср. у И. Реннера: «боярин (по-немецки, знатный человек)» (*Johann Renners Livländische Historien / Hrsg. von R. Hausmann, K. Höhlbaum.* Göttingen, 1876. S. 161)), то для Курбского, самого имевшего боярский чин, подобный титулярный вопрос едва ли мог быть второстепенным. См. также: *Володихин Д. М.* Честолюбивый каратель: Карьера князя Темкина в опрочинне // Родина. 2009. № 10. С. 105–107.

⁸ По словам самого Таубе, 1000 десятин земли, имения под Дерптом, 200 руб. ежегодного жалованья, а также шубы и платья (Два письма Иоганна Таубе... С. 152).

⁹ Замок Берзон (ныне Берзауне в Латвии), находившийся на территории Рижского архиепископства, с XIV в. принадлежал влиятельному роду фон Тизенгаузен (*Baltisches historisches Ortslexikon.* Köln, 1990. Teil 2: Lettland. S. 71–72), с которым Иоганн Таубе состоял в близком родстве: он был женат на Елизавете Тизенгаузен (*Schiemann T.* Johann Taube... S. 10.). Именно Генриху фон Тизенгаузену цур Берзон, управляющему замками в Рижском архиепископстве, И. Таубе направил одно из своих писем с предложением перейти на сторону великого князя. Но как ни велико было влияние Тизенгаузена в Ливонии, трудно считать общим собранием рыцарства родственный круг, собравшийся тогда в замке: Вольмар Таубе, Генрих фон Тизенгаузен, Лоренц Оффенберг, Юрген Прейсс, Кристофер фон Тизенгаузен (*Herzog Albrecht von Preußen und Livland (1560–1564): Regesten aus dem Herzoglichen Briefarchiv / Hrsg. von S. Hartmann.* Köln; Weimar, 2008. S. 471. № 3252/1). Тем более, что о письме Таубе было сразу сообщено Кеттлеу (*Ibid.* S. 471. № 3252). Несколько преувеличенным оказался также масштаб переговоров Курбского с Ригой: во время устроенного польским королем по горячим следам разбирательства выяснилось, что князь имел в виду лишь нескольких купцов (*Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij... S. 102).

¹⁰ Надо полагать, что где-то в этом предложении переписчиком допущена описка: либо он дважды по недосмотру называет Ивана IV «величеством», причем во второй раз «царским величеством», что, хотя и нехарактерно для этого документа в частности и ливонской традиции вообще (см., напр.: *Kappeler A.* Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Frankfurt/Main, 1972. S. 220–222), но все же встречается в источниках (ср., напр., в дневнике ливонского посольства в Москву в декабре 1557 г.: *Schirren C.* Quellen zur Untergang... Reval, 1862. Bd. 2. № 117. S. 19. — Здесь фраза «die Promotorial schriftten dem Kauser zu vberandttworttenn» не является — в отличие от других многочисленных случаев употребления царского титула в этом документе — передачей прямой речи); или же здесь пропущено отрицание, и тогда фразу надо понимать в том смысле, что рижане и дворянство обещали не приносить присягу польскому королю (к последней трактовке склоняется И. Ауэрбах: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij... S. 98). Последнее представляется менее вероятным, поскольку, во-первых, в тексте исправлены все прочие пропуски, но не описки (см. прим. 1–7 и 8), и, во-вторых, к описываемому моменту ливонское дворянство и Рига уже присягнули на верность Сигизмунду Августу (*Dogiel M.* Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae. Vilnae, 1758. T. V. P. 236. № 136; P. 256. № 143; *Bienemann F.* Briefe und Urkunden... Riga, 1876. Bd. 5. S. 452–453. № 905–906).

им с воеводой Андреем лично большую особую привилегию с подвешенной позолоченной печатью, каковая привилегия, однако, до сих пор не была им вручена, хотя великий князь был готов отослать таковую наряду с войском в 20 000 человек, как говорилось выше. Но один человек по имени Иван Петров¹¹, который теперь там заседает в правительстве и пребывает в большом почете и милости, помешал этому, потому что он как-то тоже был главой Дерпта и, тем не менее, не сделал и не совершил ничего для славы своего господина, великого князя, и потому не желал ему [Курбскому] такой или подобной чести. Великий князь, однако, последовал его совету и послал вышеупомянутое войско не на Ригу, но в земли его королевского величества¹², которое затем и погибло вместе с воеводой Шуйским¹³, и это стало помехой к исполнению того, что было обговорено с рижанами и рыцарством, и упомянутая привилегия не была им [Курбским] передана рижанам. И, рассказывая об этом, он в то же время вспомнил графа фон Арца, а именно, что он его также уговорил связать себя клятвой с великим князем и сдать залоговые замки герцога Финляндского¹⁴. Об этих делах, по его словам, ему много было известно, и они были свежи в его памяти, но он многое позабыл во время своего опасного бегства. И хотя он сильно подорвал свое здоровье, когда бежал из замка, ибо он никак иначе не мог спасти свою жизнь, кроме как быстрым и спешным бегством, он все же хотел бы

¹¹ Конюший боярин Иван Петрович Федоров-Челядин был воеводой в Дерпте в 1561–1563 гг., т. е. непосредственным предшественником Курбского на этом посту (Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1981. Т. 2. Ч. 1. С. 92, 139). Позже Курбский назовет его «мужем светлым в роде» (История о великом князе Московском // БЛДР. СПб., 2001. Т. 11. С. 406).

¹² Согласно летописи (ПСРЛ. М., 2000. Т. 13. С. 373), в декабре 1563 г. польским послам было отказано в краткосрочном перемирии на том основании, что «великого князя собрана в Литовскую землю зимняя рать». О том, что рать отправлялась именно в Литву, косвенно свидетельствует тот факт, что отказ последовал несмотря на предложение послов не включать в перемирие ливонские земли. Возможно, решение о направлении зимней кампании стало следствием неудачи Курбского под Гельметом (см. ниже, прим. 23). Добавим, что И. П. Федоров был в это время в Москве и принимал участие в переговорах (Сб. РИО. Т. 71. С. 168–169, 281–282).

¹³ Имеется в виду битва при Уле (Чашниках) 26 января 1564 г. и гибель князя Петра Ивановича Шуйского. Противник Шуйского в этой битве, гетман Н. Радзивилл, оценил в победной реляции русское войско в 17 000–18 000 человек, притом что сами русские пленные называли цифру в 20 000 (Копия с письма присланного в Варшаву на имя пана Радзивилла великим гетманом литовским // ЧОИДР. М., 1847. № 3. С. 2). Эти цифры, видимо, преувеличены. (Ср.: *Янушкевич А. М.* Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558–1570 гг. Мінск, 2007. С. 74–90). Р. Г. Скрынников полагает, что виновниками этого поражения царь считал бояр М. П. Репнина и Ю. И. Кашина (*Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. М., 2001. С. 147). И. П. Федоров же вообще не упоминается в связи с этими событиями.

¹⁴ Об этой авантюре сообщают все без исключения ливонские хронисты. Граф фон Арц, происхождение которого туманно (*Henning S.* Livländische Churländische Chronica // *Scriptores rerum Livonicarum.* Riga; Leipzig, 1848. Bd. 2. S. 245), был назначен герцогом Финляндским Иоганном управляющим семью замками в Ливонии (Гельмет, Каркус, Эрмес, Трикатен, Руйен, Буртнек, Вейссенштейн), которые он получил от польского короля в залог ссуды и приданого сестры Сигизмунда Екатерины. Уже в апреле 1563 г. шведы отмечают добрососедские отношения между Дерптом и Гельметом (*Schirren C.* Verzeichniss livländischer Geschichts-Quellen in schwedischen Archiven und Bibliotheken. Dorpat, 1861–1868. S. 103. № 1685). 8 ноября 1563 г. датируется царская жалованная грамота графу на замок Тарваст в обмен на передачу залоговых замков герцога Иоганна (*Ibid.* S. 108. № 1741). И. Таубе утверждал, что графу было обещано также 7000 марок годового жалованья (Два письма Иоганна Таубе... С. 154). В самом конце ноября Курбский, надеясь на выполнение договоренностей, подошел к Гельмету, но был встречен выстрелами со стен и должен был отступить: как выяснилось позже, граф фон Арц был схвачен собственными людьми, выдан Кеттлеру и жестоко казнен в Риге месяц спустя (Ливонская летопись Франца Ниенштедта // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. СПб., 1881. Т. 4. С. 35–36, *Böhtführ H.* Jürgen Padel's und Caspar Padel's Tagebücher // *Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Ehst-, Liv- und Kurlands.* 1886. Bd. 13. S. 360ff).

открыть и сообщить его величеству главные статьи и основные пункты упомянутой выше привилегии¹⁵.

Раз и навсегда великий князь обещал сохранить принятую и исповедуемую сейчас религию, не менять ничего в церквах, не перекрещивать никого против воли, сохранить привычные права, суды и привилегии, и чтобы наместник великого князя не судил бы без участия ливонских сословий. И в особенности, если между ним и кем-нибудь из ливонцев возникнут споры, и они сами не смогут договориться, то эти споры должны быть доставлены к самому великому князю по скорой почте, бесплатно через всю Московию. Рижский замок великий князь оставит рижанам. Наместник же его, который должен заседать в резиденции ливонских магистров, должен иметь право продавать и отпускать любые товары кому угодно, а также позволять их вывоз за море, и великий князь так же и рижанам разрешает свободную торговлю без пошлин и податей по всей своей стране. И именно это и было, по его [Курбского] мнению, основной причиной принятого ими решения сдаться и подчиниться, так как некоторое время спустя рижане жаловались великому князю на то, что после того, как он завладел Полоцком, откуда они получали свое пропитание и прибыль, причем такую, что, как он сам говорил, вся Ливония была осыпана золотом, они были лишены этой прибыли и торговли, да к тому же после завоевания Полоцка прекратились поставки из Витебска, которые были для них не менее выгодными¹⁶. Поэтому они, в надежде поспособствовать своему благу, обратили свои сердца к великому князю и заключили с ним сделку и пакт, что они ежегодно будут содержать для него на собственные средства пятьсот всадников, или же, если они не захотят послать их в войско великого князя, выплатят столько наличных денег, сколько требуется для содержания такого числа воинов, каковая сумма должна была бы составить в крайнем случае 26 000 талеров¹⁷. Они также хотели сдать и передать

¹⁵ Описанные ниже в общих чертах пункты привилегии вполне согласуются с тем, что нам известно о политике московских властей в Ливонии на примере Дерпта (ср.: Филошкин А. И. Политическая практика московских властей в Ливонии в первые годы Ливонской войны (Новые документы) // SSBP. 2008. № 1 (3). С. 78–83).

¹⁶ Торговый оборот между Полоцком и Ригой действительно увеличился на протяжении всей первой половины XVI в. (Angermann N. Nowgorod — das Kontor im Osten // Die Hanse — Lebenswirklichkeit und Mythos. Hamburg, 1989. Bd. 1. S. 105). О связях Витебска с Ригой см.: Дзярновіч А. Віцебска-Рыжскія акты XIII–XVII ст.: Дагаворы і службовая карэспандэнцыя паміж органамі кіравання горада Віцебска і ганзейскага горада Рыгі. Мінск, 2005. Вып. 1. Дакументы гаспадарча-гандлёвыя XV–XVI ст.

¹⁷ Эти цифры как будто заслуживают доверия в том отношении, что в то же самое время содержание одного рейтара обходилось литовской казне ежемесячно в 180–360 грошей (Lesmaitis G. LDK samdomosios kariuomenės dydis ir išlaikymo kaštai Livonijos karo pirmojo etapo metu (1557–1569 m.) // Lietuvos istorijos metraštis. 2004. № 2. Vilnius, 2005. P. 51), что составляет приблизительно 6–12 рейхсталеров или несколько меньше, т. е. ценность грошей по отношению к талеру в это время падала (*Wörterbuch der Münzkunde*. 2. Aufl. / Hrsg. von F. v. Schrötter. Berlin, 1970. S. 759). Несколько позже Сигизмунд Август платил отряду из 500 наемников в Пернове 4000 талеров в месяц (Kirmis M. Handbuch der polnischen Münzkunde. Posen, 1892. S. 56), а Стефан Баторий во время осады Пскова выплачивал 1500 валлонцам и шотландцам Юргена Фаренсбаха 10 000 венгерских гульденов, т. е. примерно 15 000 талеров (Schiemann T. Jürgen Fahrensbach. Ein Bild baltischen Kriegerlebens // Schiemann T. Charakterköpfe... S. 59). Цифра 5 талеров в месяц на одного кнехта следует из счета, приложенного к письму Иоганна фон Гете прусскому герцогу Альбрехту от 12 сентября 1567 г. (Herzog Albrecht von Preußen und Livland (1565–1570): Regesten aus dem Herzoglichen Briefarchiv / Hrsg. von S. Hartmann. Berlin, 2008. S. 122. № 3532/1). Шведские источники 1563 г. называют цифры в 6–8 талеров (Schirren C. Verzeichniss... S. 105. № 1719, 1720). Таким образом, расчеты рижан — 52 талера на одного рейтара в год — кажутся хоть и заниженными (что, впрочем, легко объяснимо), но вполне оправданными. Интересно, что в 1586 г. один из предводителей горожан во время календарных смут, Мартин Гизе, спасаясь в Швецию, рассказывал герцогу Карлу Зюдерманландскому, что «... в мирное время город имеет по крайней мере 40 000 талеров дохода и в случае нужды можно во всякое время иметь в распоряжении четыре или пять сотен кнехтов» (Ливонская летопись Франца Ниенштедта... С. 71).

во власть и на усмотрение великого князя все замки и крепости в стране. Что же касается герцога курляндского¹⁸, то, хотя рижане дали ему [Курбскому] знать, что тот не склонен к такому союзу и им нельзя довериться ему и открыться, он, тем не менее, как только дворянство, коменданты, наместники и горожане предадутся великому князю, волей-неволей будет вынужден последовать за ними и согласиться на это. И хотя курляндский герцог в этом случае не вел с ним переговоров, он, тем не менее, когда королевское величество Дании направил посла доктора Захария¹⁹ к великому князю, обратился к нему [Курбскому] и просил, чтобы он наилучшим образом рекомендовал его своему господину, великому князю²⁰, и между прочим сообщил, что он заслужил у римского императорского величества и всех князей и сословий империи большую благодарность и похвалу за то, что подчинил эту императорскую провинцию королевскому величеству²¹, но за все это он до сих пор не получил большого вознаграждения от королевского величества. Еще он хранил при себе много ливонских писем, в которых сообщалось, каким образом курляндский герцог будто бы часто при своих жаловался на королевское величество, и ему жутко, что король увидит своими глазами, какие слова, недостойные того, чтобы стоять здесь на бумаге, были произнесены. Но он сразу попросил, чтобы королевское величество из-за этого его свидетельства не подвергал бы курляндского

¹⁸ Готтард Кеттлер, герцог Курляндии в 1562–1587 гг. и наместник задвинской Ливонии в 1562–1566 гг. Последней должности он лишился в пользу Яна Ходкевича из-за подозрений польского короля в его связях с царем. Удивительно, но жизнь последнего магистра Ливонии до сих пор не стала предметом монографического исследования (см.: *Mattiesen H. Gotthard Kettler und die Entstehung des Herzogtums Kurland // Baltic History. Columbus (Ohio), 1974. P. 49–59; Klocke F. v. Gotthard Kettler (um 1517–1587) // Westfälische Lebensbilder. 1931. Bd. 2. S. 411–438).*

¹⁹ Хорошо известный по русским источникам датский посол доктор Захариас Феллинг прибыл, согласно посольским книгам, из Эрмеса (находившегося в это время еще под управлением графа фон Арц) в Дерпт около 14 ноября (РГАДА. Ф. 53 (Сношения с Данией). Оп. 1. Л. 391–391 об.) и оставался там по крайней мере до 24 ноября (Два письма Иоганна Таубе... С. 153).

²⁰ Ровно с такой же просьбой Г. Кеттлер обратился в сентябре 1563 г. к возвращавшемуся из Дании посольству князя А. Ромодановского: «Он бил челом, чтобы мы об нем печаловались тебе, государю». Сверх того, герцог там же безвозмездно отпустил плененного сына боярского Федора Грозного и одарил послов винами (Статейный список российского посольства в Данию в 1562–1563 г. // Ульфельдт Я. Путешествие в Россию. М., 2002. С. 453–455). Впрочем, неясно, можно ли рассматривать реверансы Кеттлера в сторону Москвы как нечто большее, чем желание уберечь свои владения от русских набегов. Вообще, Г. Кеттлер производит впечатление человека, меньше всего хотевшего ссориться с кем бы то ни было.

²¹ 4 декабря 1561 г. Кеттлер отправил саксонскому курфюрсту и, вероятно, прочим князьям империи письмо, в котором извинялся и оправдывал свой поступок крайней необходимостью и просил заступиться за него перед императором (*Reimann E. Das Verhalten des Reiches gegen Livland in den Jahren 1559 bis 1561 // Historische Zeitschrift. München, 1876. Bd. 35. S. 380*). Между тем первой реакцией императора Фердинанда стала фактическая отмена в мае 1562 г. запрета на торговлю с Россией, мотивированная тем, что ливонцы сами сносились с русскими и так мало ценили свою связь с империей, что отделились под покровительство иноземных государей (*Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648)*. СПб., 1893. Т. 1. С. 269–270). Впоследствии император призывал коадьютора Рижского архиепископа Кристофа Мекленбургского выступить против подчинения Ливонии любому из соседей (*Herzog Albrecht von Preußen und Livland (1560–1564)*... S. 178–179. № 2928; S. 179. № 2930) и поддерживал планы Тевтонского ордена восстановить свою власть в Ливонии при помощи Москвы (Два письма Иоганна Таубе... С. 150, 155). Безусловной поддержки Кеттлер мог ожидать только от курфюрстов из рода Гогенцоллерн (бранденбургский курфюрст Иоахим II и прусский герцог Альбрехт) и некоторых протестантских князей империи (мекленбургский герцог Иоганн Альбрехт) (ср.: *Schirmacher F. Johann Albrecht I. Herzog von Mecklenburg. Wismar, 1885. Bd. I. S. 637ff*).

Стены Вольмара, ливонской крепости, в которой в 1564 г. после побега жил Курбский и откуда он написал свое знаменитое обличительное послание Ивану Грозному.

Фото А. И. Филошкина, 2010 г.

герцога опале, и не гневился бы на него и не наказывал, ибо ни единого слова или буквы из того он не слышал от него самого. Кроме того, комендант Гермета²², который приходится курляндцу родственником, когда он [Курбский] бежал туда из дома, пристал к нему и выспрашивал, не узнал ли он чего от посла датского короля доктора Захария и о чем они разговаривали, на что тот коротко ответил, что ни о чем особенном они не разговаривали и быстро отделался от коменданта, так как боялся узнать от него что-нибудь такое, что ему было бы не сносить головы. Тем более что там же, в Гельмете, или Гермете, его жизнь была в большой опасности, у него отобрали все его речи и все, что он еще при себе имел, а комендант Гермета хотел послать его в Ригу, а не в Вольмар²³, но он через одного немца²⁴ добился

²² Замок Гельмет (ныне Хельме в Эстонии) был одним из нескольких замков, которые польский король выговорил себе в обмен на помощь ливонцам в уплату военных издержек, но уже в 1562 г. передал их в залог герцогу Финляндскому. Интересно, что в свое время граф Арц избрал именно Гельмет своей резиденцией (*Рюсов Б. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. СПб., 1879. Т. 2. С. 139; Heinrich von Staden. Aufzeichnungen über den Moskauer Staat / Hrsg. von F. Epstein. Hamburg, 1964. S. 173*). Комендантом замка был в это время Георг фон Вольсторп, с которым Курбский некоторым образом состоял в переписке: 10 декабря 1563 г. дерптский наместник требовал у Вольсторпа освобождения графа Арца, на что гельметский комендант отвечал неделей позже решительным протестом от своего лица и от лица всего дворянства области Гельмет против предательских замыслов графа, добавив, что они признают своим господином только польского короля либо герцога Финляндского (*Schirren C. Verzeichniss... S. 108. № 1747, 1750*).

²³ В Вольмаре (ныне Валмиера в Латвии) находилась ставка А. И. Полубенского (*Schirren C. Verzeichniss... S. 99. № 1662*), где Курбский мог чувствовать себя в безопасности, в то время как в Риге он имел все основания опасаться встречи со своими недавними партнерами по тайным переговорам.

²⁴ Ауэрбах осторожно предполагает в этом немце Александра Кенига, бывшего слугу графа Арца (*Auerbach I. Andrej Michajlovič Kurbskij... S. 101*).

того, что об этом доложили Полубенскому²⁵, после чего он безбоязненно мог отправиться в Вольмар. Затем он рассказал, что ко двору королевского величества были направлены пять шпионов из ливонцев, которые должны были осведомиться о королевской войне и кампаниях, из которых трое снова прибыли к нему, а двое со временем не вернулись, и они написали ему, что они получили должность отца Иоганна Таубе и капитанство в Зесвегене²⁶, и там им было удобнее и сподручнее вести с ним переговоры.

И он рассказал еще много такого и подобного об этих делах, но описанное выше — это главное, что необходимо знать королевскому величеству. Напоследок же и в довершение всего он прибавил, что если королевское величество после этого его увещевания и предостережения не улучшит надзор в этой земле, то надо опасаться, что она в течение нескольких месяцев сдастся врагу, а полковник Полубенский же и все прочие как их там, будут пойманы, как птицы, и выданы великому князю. И пусть королевскому величеству будет угодно считать, что эта провинция, так сказать, ему заново преподнесена и спасена благодаря ему и сделанному им откровению. Поэтому он Богом просил, чтобы королевское величество незамедлительно отправил в эту землю несколько тысяч солдат.

Summary

The article presents a Russian commented translation of the report made by the fugitive prince Kurbsky for the King of Poland immediately after his flight from Dorpat. Though already well known to many scholars, this document still deserves attention, since it provides some unique information about inner political life in Russia and gives an insight into the Kremlin's modus operandi in Livonia during the first stage of the war, focusing on long-lasting negotiations between Kurbsky and the city of Riga.

²⁵ Литовский князь Александр Иванович Полубенский, региментарь войск гетмана Радзивилла, староста Вольмарский.

²⁶ Ядром владений семьи Таубе на территории Рижского архиепископства был замок Зесвеген (ныне Цесвайне в Латвии), вновь пожалованный Иоганну Таубе польским королем в 1572 г. (Ливонская летопись Франца Ниенштедта... С. 45).